

УДК 172.1; 323.2

Понятия экстремизма и терроризма в современной науке – социально-философский аспект

Лопатин Иван Дмитриевич

Кандидат политических наук,
доцент кафедры философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин,
Костромская государственная сельскохозяйственная академия,
156530, Российская Федерация, Каравеево, ул. Учебный городок, 34;
e-mail: lopatinivan1982@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается такая актуальная на сегодняшний день проблема, как научное понимание экстремизма и терроризма. В силу многочисленных обстоятельств объективного и субъективного характера большой проблемой является общее понимание смысла данных терминов. Основные такие проблемы и рассмотрены авторами в статье. Первой причиной сложностей в научном понимании проблем экстремизма и терроризма стоит указать разницу политических и юридических подходов различных субъектов. Одно государство может признавать, а другое – не признавать конкретные группировки как террористические согласно политическим мотивам. Имеет место подмена понятий, а также определенную проблему представляет деятельность СМИ, судебных органов. Второй сложностью на пути общего понимания является разница временных эпох, национального менталитета, а также подвижность моральных норм в конкретном обществе. Третьей сложностью является несовпадение позиций в трактовке мотивов экстремистского поведения отдельных личностей. Четвертой сложностью является изменчивость целей террористов и кардинальные изменения в их идеологии в конце 20 века. Пятой проблемой, также осложняющей общее понимание, являются методы противодействия экстремизму.

Для цитирования в научных исследованиях

Лопатин И.Д. Понятия экстремизма и терроризма в современной науке – социально-философский аспект // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 48-57.

Ключевые слова

Терроризм, экстремизм, террор, сетевой принцип, интернет-технологии.

Введение

В современном мире понятия экстремизма и, тем более, терроризма стали совершенно обыденными, ходовыми, звучащими с любой печатной или электронной страницы прессы. Естественно, что частое употребление в быту, социальных сетях и даже юридической практике в значительной степени привело к утрачиванию первоначального научного смысла данных терминов. С другой стороны, за последние десятилетия серьезно изменилось общество, семантика понятий претерпела изменения вследствие трансформации информационного пространства. Наконец, в конце 20 – начале 21 века кардинально изменились цели самих террористов и экстремистов. В современной социальной науке, и не только в ней, на сегодняшний день отсутствует какое-либо общепринятое понятие для данных терминов, виной чему множество причин. Мы попробуем разобраться с ними и попробовать найти пути универсализации подходов к научному осмыслению проблемы.

Основная часть

Безусловно, первой сложностью на пути универсализации является тот факт, что различные субъекты вкладывают в вышеуказанные понятия разный, зачастую прямо противоположный смысл. Сложным в этом плане, по мнению автора, является понятие экстремизма. В отечественной социальной науке под ним понимается насилие «сверх меры», то есть неспровоцированное, выходящее за «социальные экстремумы». [Будницкий, 2000] Кроме того, экстремистским может быть, например, образ мыслей. В западной науке принято несколько иное понимание данного термина. В Великобритании и США, например, под экстремистским понимается «действие, основанное на ненависти», то есть такое, где присутствует мотив нетерпимости по отношению к каким-либо социальным группам (этническим, религиозным и т. д.), [Витюк, Эфиоров, 1987] что закреплено в судебной практике. В отечественном законодательстве, с недавних пор, «экстремизм» трактуется похожим образом, однако имеется понятие «экстремистских материалов», в число которых может попасть интернет – ресурс, графическое изображение, листовка, надпись на футболке и так далее. [Гейфман, 1997] Вопрос об экстремистском содержании материала решает конкретный суд при помощи экспертов, качество которых не всегда соответствует задаче – так, экспертом может быть практически любой человек, профильное образование, ученая степень или звание не являются обязательными требованиями к нему. Отсюда и происходят такие решения судов, как например, признание «экстремистскими материалами» строк из Корана, по поводу чего пришлось принимать специальную поправку к закону, запрещающую признавать экстремистскими фрагменты из религиозных книг. Существенно затрудняет научное использование термина несколько иное обстоятельство – широкое тиражирование в СМИ. Благодаря

им, слово превратилось в негативный эпитет, предназначенный для политических оппонентов. Деятельность судов, особенно в 2010-13 годах тоже вносила свою лепту, в результате получаем классический случай «идола площади», то есть лексемы с непонятным смыслом. Исходя из всего вышеперечисленного, мы предлагаем использовать термин экстремизм как приверженность к крайней идеологии и насильственному способу действий. В свою очередь, крайним проявлением экстремизма является приверженность к террористическим способам ведения борьбы.

С понятием «терроризм» все обстоит еще сложнее, здесь выработать какую-либо общую позицию, вероятно, не представляется возможным. Происходит термин от латинского *terror*, что означает страх, ужас. Несмотря на некоторые различия, в целом, в большинстве случаев под терроризмом понимают насильственные действия имеющие цель запугать население или органы власти, осуществляемые преступными группами либо одиночками. Есть, однако, нюансы. Если терроризм – это насильственные действия негосударственных субъектов, то в случаях государственного насилия используется термин террор, по крайней мере, в отечественной науке. [Кони, 1966] Разница очевидна – терроризм – оружие слабого, в то время как террор – сильного субъекта. Так, например, действия «Народной воли», направленные на уничтожение Александра II, являются террористическими, а, скажем, действия советского государства по так называемому «раскулачиванию» в годы коллективизации – террором. Наибольшие проблемы возникают с квалификацией конкретных террористических действий и конкретных лиц как террористов. Связано это, по мнению автора, с идеологическими и политическими причинами. Например, играющая значительную роль сегодня на Ближнем Востоке организация «Хезболла» считается террористической в целом ряде государств (США, Израиле, Канаде и т. д.), но не считается таковой в России. [Могильнер, 1999] Также наши западные «партнеры» на протяжении многих лет продолжают называть «борцами за свободу», «повстанцами» группы террористов на Северном Кавказе. Таким образом, в данном случае добиться универсализации понятия невозможно, так как терроризм стал еще и юридическим термином. Любое государство выстраивает для себя защиту из правовых актов и, конечно, только оно решает, кто конкретно является наиболее опасным для его благополучия. В то же время, все попытки российской, например, дипломатии составить какой-либо общий список террористических организаций до серии терактов 13 ноября 2015 года во Франции были тщетны. С другой стороны, на сегодняшний день имеется ряд факторов, осложняющих и научное понимание данного феномена. К таковым относится, во-первых, использование отдельными государствами террористической тактики во внутренней и внешней политике, либо прямое спонсирование террористических группировок. Скажем, деятельность сайта «Миротворец», курируемая советником министра внутренних дел А. Геращенко на Украине, относится к террору или к терроризму? Во-вторых, в последние два десятилетия появился целый ряд так называемых квазигосударств, самое известное из которых, безуслов-

но, запрещенное в России, ИГИЛ. Их деятельность построена на самом грубом насилии, на сетевых технологиях, для таких террористических сообществ нужно вводить особые термины. В-третьих, само понятие государство, с точки зрения сильного субъекта, в последнее время явно нуждается в уточнении. Скажем, если исходить из старой парадигмы, являются ли государствами такие образования как Абхазия, Сомали или даже Нигерия (поскольку нет по факту ни единства территории, ни экономического суверенитета)?

Второй сложностью является определение социальных экстремумов. Суть проблемы здесь в том, что границы эти чрезвычайно подвижны и зависят от многих факторов – исторического времени, национальных, религиозных традиций, социально-экономической ситуации и т. д. То есть, если понимать под социальным экстремумом грань дозволенного обществом насильственного воздействия, очевидно, по мнению автора, что сложно эту грань определить. И на сегодняшний день не существует сколь-нибудь универсальных методов замера общественного мнения, а как тогда можно говорить, скажем, об отношении жителей средневекового Ближнего Востока к деятельности организации ассасинов? Если брать более близкие к нашему времени события, например, деятельность Боевой организации партии социалистов-революционеров, то, опять же, мы можем определить отношение к терактам только достаточно узкого слоя русского общества, хотя и самого политически активного и это мнение, в известной степени, формирующего. Об отношении основной массы можем только строить предположения разной степени обоснованности. Безусловно, можно подойти к проблеме с формально-юридической точки зрения и считать экстремистскими все действия, которые не укладываются в рамки закона, однако, как известно, есть буква закона, а есть дух закона. Веру Засулич, стрелявшую в петербургского градоначальника Трепова, присяжные признали невиновной, а присутствующие при том зрители встретили приговор овацией. [Ольденбург, 1939] То же и с терактами социалистов-революционеров – например, убийство уфимского губернатора Богдановича и покушение на харьковского губернатора князя Оболенского [Партия..., 1996] встретили горячее сочувствие в обществе и нельзя сказать, что люди, одобрявшие действия террористов желали зла своей стране. Вероятно, что для корректной постановки вопроса о социальных экстремумах необходимо учитывать национальные особенности. В данном случае, имея дело с русским обществом конца 19 – нач. 20 вв., нужно брать в расчет глубочайший раскол внутри его и свойственное нам обостренное чувство справедливости [Спиридович, 1918] – именно защитниками человеческого достоинства, борцами с произволом пытались представить себя террористы, и это у них получилось, хотя сразу были большие сомнения в персональной вине Богдановича [Шацилло, 1985]. Кроме того, как известно, моральные ценности каждого конкретного общества меняются, и в случаи России конца 19 – начала 20 вв. мы имеем дело с достаточно широкими рамками дозволенного. Возьмем, скажем, знаменитую «банкетную кампанию» 1903-04 годов. [Там же] Во время мероприятий, проводимых либерально настроенными земцами, регулярно получали

слово представители радикальных элементов – и призывы их к насильственным способам борьбы с режимом встречали часто одобрение среди земских деятелей. В настоящее время сложно представить такую реакцию публики, однако в начале 20 века земцы-либералы далеко не всегда вызвали жандармов. То же справедливо для каждого иного конкретного случая – вовсе не обязательно современники или люди иных национальностей и культур признают экстремизмом то, чего мы считаем таковым.

Третьей сложностью для определения каких-либо общих подходов являются личности радикалов и непосредственно террористов. Если поставить вопрос таким образом, что являются ли факторами одного порядка, скажем, русский революционный терроризм начала 20 века и современные террористические организации, прикрывающиеся исламом, то нужно ответить, что между ними весьма мало общего – разные социальные корни, идеология, и так далее. С другой стороны, мотивы участия конкретных людей в террористической активности и причины экстремистской направленности мыслей в значительной мере схожи. Однако в трактовке этих мотивов и находятся принципиальные расхождения. Простым решением кажется объявить всех экстремистски настроенных граждан маньяками и душевнобольными, людьми, изначально склонными к насилию и убийствам. Такая точка зрения, к сожалению, в современном обществе популярна, вплоть до того, что сегодня снова имеют место попытки объявить отдельные расы «генетически предрасположенными» к преступности и асоциальному поведению. По мнению автора, с такой позицией нельзя согласиться. Действительно, у русских революционеров и террористов имели место психические отклонения, но в большинстве своем они были следствием пребывания в тюрьмах и на каторге. Не были психически нездоровыми людьми Вера Засулич, Герш Гершуни, Борис Савинков, Евно Азеф, Михаил «Каин» Соколов и другие видные личности того времени. То же и с современными террористами – значительная часть боевиков ИГИЛ (запрещенная в России организация), родом из Парижа, Брюсселя и Берлина, в здравом рассудке приняли решение отправиться воевать на Ближний Восток. Здесь возникает, конечно, другой вопрос – каким образом в «толерантном» западноевропейском обществе выросло такое количество людей, готовых на самые чудовищные преступления – но это тема отдельного исследования. На наш взгляд, все же основной причиной привлекательности террористических методов для радикально настроенных элементов была и остается видимая простота насильственных методов решения сложных социальных проблем. Никуда не исчезли сегодня и такие мотивы присоединения к террористическим организациям как неостребованность значительного числа людей капиталистическим миром, жажда острых ощущений, мотивы личного характера, которые сегодня, из-за социальных сетей, приобрели характер мирового бедствия. Например, можно согласиться с адвокатом Варвары Карауловой в том смысле, что девушка является жертвой профессиональных интернет – вербовщиков террористов, однако таких как она – многие тысячи в Европе и на Ближнем Востоке. Нельзя не учитывать и такой мотив участия в радикальных и террористических организациях как личная выгода – и се-

годня, и сто с лишним лет назад он был и остается самым актуальным. По данной проблеме сложно согласиться, например, с А. Гаспаряном, который считает, что русский революционный терроризм был «уделом романтиков». К числу таковых крайне сложно причислить Азефа, Стеклова, да и Савинкова, то есть все руководство Боевой организации социалистов-революционеров. Не были таковыми и теоретики терроризма начала века – Чернов и «бабушка» Брешко-Брешковская, которые вели вполне безбедную жизнь на гонорары от статей, первый даже позволял себе лично спонсировать теракты, проводимые независимо от БО – например, убийство З. Коноплянниковой генерала Мина. Нельзя, по мнению автора, «обнаружить романтику» в действиях многочисленных террористических групп в годы революции 1905-07 годов, когда особую популярность приобрели так называемые «эксы», то есть ограбления, практиковавшиеся всеми революционными партиями. Сегодня, по сравнению с началом прошлого столетия, мотивы личной выгоды у экстремистов и террористов приобрели несколько иную форму. Во многих случаях сегодня мы имеем дело с рядовыми членами террористических группировок, у которых мотивом присоединения к ним был элементарный заработок. Не случайно одной из главных опасностей сегодня для России является экспансия радикальных группировок в Средней Азии, где для вербовщиков есть огромное количество человеческого материала, людей, готовых на все ради куска хлеба. Ярким примером здесь является Афганистан – в этой стране самым простым способом заработка как раз является участие в террористических вооруженных формированиях, либо выращивание культур, содержащих наркотические вещества.

Таким образом, можно обозначить четвертую сложность в исследовании данной проблематики – изменчивый характер экстремизма и терроризма. На наш взгляд, сложно согласиться с утверждениями о том, что именно в конце 20 века терроризм приобрел так называемый «медийный» характер. Эта черта была свойственна ему всегда – и анархисты второй половины 19 века (П. Брусс, например) говорили об «агитации делом», и даже еще раньше, в 1862 году, в листовках так называемой «Молодой России» содержались послы о насаждении атмосферы страха среди представителей «правительственной партии». Постоянно подчеркивали необходимость «воздействия на общественное мнение» терактов Морозов, Чернов, Гершуни, Гоц и многие другие теоретики терроризма конца 19 – начала 20 веков. И слова, по крайней мере, Гершуни, с делом не расходились – каждый теракт БО он тщательно планировал именно с точки зрения «понятности для обывателя». Наконец, в годы революции 1905-07 годов русские анархисты перешли к тактике «безмотивного террора», то есть, по сути, к терактам того же типа, что имели место в Париже 13 ноября 2015 года – уничтожению без разбора большого числа людей с целью посеять страх в обществе. На наш взгляд, куда более важным для понимания природы современного терроризма является тот факт, что сегодняшние террористические группировки организационно построены по принципу сетевого маркетинга, и запрещенная в России ИГИЛ как раз является таковой. Условно говоря, если сто с лишним лет назад террористы-революцио-

неры создавали субкультуру, даже анархисты, то сегодня исламистские террористы создают контркультуру. Провозглашая вседозволенность по отношению ко всем остальным, культивируя жестокость и садизм, они, с одной стороны, проповедают контрценности по отношению ко всей человеческой культуре. С другой стороны, они также и заменяют традиционную идеологию сетевой – «найдется место для каждого», «для каждого есть работа по силам и возможность роста», подстраиваясь, таким образом, под изменившиеся запросы глобального общества. Велика роль интернет-технологий, которые, впрочем, уже выросли в самостоятельный «эволюционный фактор».

Наконец, отдельной, пятой проблемой на пути научного понимания данных феноменов являются приоритетные методы противодействия экстремизму и терроризму. Сегодня, в свете последних событий, уже практически для всех очевидно, что исключительно силовых методов противодействия явно не достаточно, хотя они и, безусловно, нуждаются в совершенствовании и расширении, равно как и военные, а также финансовые и иные. Однако далее мнения сильно расходятся. Выдвигаются, в определенных кругах, «политические» методы противодействия экстремизму – вроде «свержения диктаторских режимов, порождающих терроризм»; «психологические», якобы будущие террористы обладают особым психотипом, и такие люди должны находится под бдительным присмотром. Тем не менее, по мнению автора, террористические акты в Париже лишь подтверждают старую истину – о социальной природе экстремизма и терроризма. Имея на своей территории многочисленные анклавов, население которых принципиально не желает интегрироваться в их социум, может и не работать, живя на пособия, европейцы сегодня могут лишь ожидать с высокой степенью вероятности повторения террористических атак.

Заключение

Таким образом, по каждой из обозначенных нами проблем существует широкая дискуссия в отечественной и зарубежной науке. Что, на наш взгляд, сегодня является наиболее актуальным для политической науки? Во-первых, это избавление от излишне политизированных трактовок понятий разными субъектами мировой политики, что, в свете тектонических изменений последних двух лет, выглядит реальным. Во-вторых, исследование конкретных культурных и исторических реалий, порождающих крайние проявления. В-третьих, недооценен отечественный опыт начал 20 века, особенно в плане противодействия экстремистским организациям. В-четвертых, особое внимание, на наш взгляд, сегодня стоит уделять социальным корням явления, а они все те же – огромное имущественное, интеллектуальное и ментальное расслоение общества. Без его сглаживания, теперь уже в мировом масштабе, указанные проблемы будут только нарастать, на смену одним радикалам будут приходить другие.

Библиография

1. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 408 с.
2. Витюк В.В., Эфиров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М.: Наука, 1987. 318 с.
3. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894-1917. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 618 с.
4. Ерофеев Н.Д. (ред.) Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 1996. 681 с.
5. Козлов А.А. (ред.) Феномен экстремизма. СПб., 2000. 85 с.
6. Кони А.Ф. Воспоминания о деле В. Засулич. М., 1966. 581 с.
7. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 208 с.
8. Ольденбург С. Царствование Императора Николая II. Белград, 1939. 640 с.
9. Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886-1916. Петроград, 1918. 623 с.
10. Шацлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 годов. М., 1985. 354 с.

Concepts of extremism and terrorism in modern science: the socio-philosophical aspect

Ivan D. Lopatin

PhD in Political Science

Associate Professor at the Department of philosophy, history and socio-humanitarian disciplines,
Kostroma State Agricultural Academy,
156530, 34, Uchebnii Gorodok st., Karavaevo, Russian Federation;
e-mail: lopatinivan1982@yandex.ru

Abstract

This scientific article discusses such topical issue as a scientific understanding of extremism and terrorism. Due to numerous circumstances, there are both objective and subjective problems is the general understanding of the meaning of these terms. The main problems of that kind are considered by the authors in the article. The first cause of difficulties in the scien-

tific understanding of the problems of extremism and terrorism should specify the difference of political and legal approaches of the various actors. One state may accept and the other not to recognize a particular group as terroristic in line with political motives. It is a trivial juggling of concepts, as well as particular problem is the media and the judiciary. The second difficulty is in the way of common understanding in the difference of time periods, national mentality, as well as the mobility of the moral norms in a particular society. The third difficulty are the differences in the interpretation of the motives of the extremist behavior of individuals. The fourth difficulty is the variability of the goals of terrorists and the fundamental changes in their ideology in the late 20th century. The fifth problem, also complicating a common understanding, is the method of counteraction to extremism.

For citation

Lopatin I.D. (2017) Ponyatiya ekstremizma i terrorizma v sovremennoi nauke – sotsial'no-filosofskii aspekt [Concepts of extremism and terrorism in modern science: the socio-philosophical aspect]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 48-57.

Keywords

Terrorism, extremism, terror, network principle, Internet technology.

References

1. Budnitskii O.V. (2000) *Terrorizm v rossiiskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (second half of the XIX – early XX century.)]. Moscow: "Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN) Publ.
2. Erofeev N.D. (red.) (1996) *Partiya sotsialistov-revolutsionerov. Dokumenty i materialy* [Party of Socialist-Revolutionaries. Documents and materials]. Moscow: ROSSPEN Publ.
3. Geifman A. (1997) *Revolutsionnyi terror v Rossii, 1894-1917* [Revolutionary Terror in Russia, 1894-1917]. Moscow: KRON-PRESS Publ.
4. Kozlov A.A. (red.) (2000) *Fenomen ekstremizma* [The phenomenon of extremism]. St. Petersburg.
5. Koni A.F. (1966) *Vospominaniya o dele V. Zasulich* [Memories of the case V. Zasulich]. Moscow.
6. Mogil'ner M. (1999) *Mifologiya "podpol'nogo cheloveka": radikal'nyi mikrokozmos v Rossii nachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza* [Mythology of the "underground man": a radical microcosm in Russia at the beginning of the twentieth century as a subject of semiotic analysis]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.

7. Ol'denburg S. (1939) *Tsarstvovanie Imperatora Nikolaya II* [The reign of Emperor Nicholas II]. Belgrade.
8. Shatsillo K.F. (1985) *Russkii liberalizm nakanune revolyutsii 1905-1907 godov* [Russian liberalism on the eve of the revolution of 1905-1907]. Moscow.
9. Spiridovich A.I. (1918) *Partiya sotsialistov-revolutsionerov i ee predshestvenniki. 1886-1916* [Party of Socialist-Revolutionaries and its predecessors. 1886-1916]. Petrograd.
10. Vityuk V.V., Efirov S.A. (1987) *"Levyi" terrorizm na Zapade: istoriya i sovremennost'* ["Left" terrorism in the West: history and modernity]. Moscow: Nauka Publ.